

Память

Голос хоккея

Спортивный эксперт и комментатор Сергей Гимаев скончался на 63-м году жизни

Ещё недавно он комментировал очередной матч КХЛ: как всегда, строго, иной раз даже прямолинейно, но всегда корректно. Его память держала события, факты, фамилии и цифры клубов и игроков многолетней давности. Именно потому его комментарий был завораживающе интересен: он анализировал и подытоживал, наблюдал и предсказывал. И почти всегда оказывался прав. Потому называл себя экспертом хоккея – и с ним соглашались все.

Великолепный хоккеист, он стал воспитанником уфимской хоккейной школы, а потом попал в лучший клуб страны – ЦСКА, который в те годы выступал за сборную страны на чемпионатах мира и Олимпиадах. В 76-м, когда Гимаева взяли в ЦСКА, там уже блистали ярчайшие звёзды советского хоккея Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов, Владислав Третьяк. Молодой защитник не затерялся в их компании, завоевывая медали высшего достоинства. Вспоминают Гимаева, его друзья говорят: он был крепким и надёжным игроком, звёзд с неба не хватало – но качественно делал свою работу, помогая тем, кто забывает. По окончании карьеры игрока нашёл себя в тренерской работе – стал тренером ЦСКА и молодёжной сборной СССР, вместе с Владимиром Шадриным выведя команду 1978 года рождения в чемпионы Европы и получив звание заслуженного тренера страны.

Несмотря на плотный график Гимаева-комментатора, хоккей он не оставил, став членом команды ветеранов «Легенды хоккея СССР», в которой и провёл свой последний матч в Туле. Это был год среди ясного неба: 18 марта скоропостижно скончался Сергей Гимаев. В Ярославле в это время шла решающая встреча его родного ЦСКА с местным «Локомотивом». ЦСКА проиграл и выбыл из розыгрыша плей-офф. Но Гимаев об этом уже не узнал. Потрясающе страшным известием комментаторы, не раз признававшиеся в том, что стараются в своём ремесле хотя бы дотянуться до мастерства Гимаева, не сразу подбирали слова, в прямом эфире возникли паузы...

Фанаты магнитогорского хоккея Сергея Наильевича любят давно: в разные годы он выказывал своё восхищение «Металлургом»: его крепкой школой, давшей миру Малкина и Кулёмина, грамотной организацией работы клуба, позволяющей игрокам не думать ни о чём, кроме хоккея, стратегией руководства собирать игроков и выбирать тренера, который сделает из них лучшую команду конференции и лиги. И, не скупясь, пел дифирамбы первой тройке нападающих Мозякин–Зарипов–Коварж, когда они в очередной раз забивали гол:

– Ну как они это делают? Ведь их игру «изучают» по кадрам, вычитывают и просят вычитать – и всё равно они умудряются забить.

В Магнитогорске Сергей Гимаев был неоднократно. Однажды, когда у него выдалось свободное время, «Магнитогорскому металлу» удалось поговорить с экспертом хоккея не только о его любимой игре. С

такой же страстью он относился, например, к своему саду, в котором выращивает цветы. Особенно гордится огромными пионами «Невеста», розами и подснежниками. Предлагаем вашему вниманию отрывки того интервью.

– Сергей Наильевич, вы всегда говорите, вам повезло: двор, в котором росли, был спортивным – и вы стали спортсменом. Смею полагать, будь двор музыкальным, стали бы музыкантом?

– (Смеётся). Нет, у меня проблемы со слухом и голосом, так что музыкант точно бы не получился. В моём дворе не курили и не пили, было неприличным плохо учиться или иметь «неуд» за поведение – вот что я имел в виду. Соседним двором управляли уголовники – и многие ребята оттуда сами отправились в тюрьмы.

– История вашего прихода в «Салават Юлаев»: мама работала на приборостроительном заводе, который содержал тогда эту команду, вы просто пришли на каток и спросили, можно ли заниматься. Вам сказали: приходи...

– Да. Директором завода был Ковалёв – очень хороший человек, который любил хоккей и построил для него Дворец спорта. Когда начал заниматься, команда ещё не была именитой. Это с открытием Дворца сотни ребят захотели играть в хоккей и начался отбор. А тогда в хоккеисты можно было попасть просто так.

– И что, по-вашему, правильно: набор или отбор?

– Тут сложно. Раньше в ЦСКА стояла очередь в тысячу пацанов на место – и шёл жесточайший отбор. А сейчас пятилетних мальчишек берут почти всех. И это катастрофа для тренера. Боишься опоздать, набирая более взрослых, потому что первое время будешь проигрывать тем, кто пришёл заниматься в пять, опасаясь потерять работу. Это заставляет тренеров из более-менее именитых клубов форсировать события и, по сути, не обучать, а натаскивать. Но есть и более глобальная проблема: заниматься хоккеем могут только те, у кого не работает мама или бабушка. Не знаю, как у вас, а в Москве ребёнка нельзя отпустить одного до 12 лет, а тренировки дважды в день. Свободны мамы и бабушки только в обеспеченных семьях. Значит, изначально система построена так, что талант вроде и ни при чём – заниматься могут те, кого привели родители. Их мы два года учим кататься. А потом приходит парень, у которого есть способности к хоккею, но он намного старше – и его не возьмут.

– Помню вашу фразу: из ниоткуда хорошие хоккеисты вырастут – её вы произнесли, критикуя решение Владислава Третьяка ограничить число легионеров в российских клубах до пяти человек. Что имели в виду?

– Моё мнение однозначно: играть должны сильнейшие. А ограничения приводят к дефициту хороших игроков и как следствие – неоправданному росту зарплат российских игроков не самого хорошего качества. Уже сейчас их контракты – нереальные цифры, хотя в реальности они стоят в разы дешевле. Может, вам проще: у вас элитный клуб, всегда претендующий на медали, и к вам идут не только за зарплатой, но и за статусом чемпиона.

– И снова к биографии: «Родители не мешали мне заниматься хоккеем – лишь бы получил высшее образование». У людей того поколения была идея фикс – дать детям «вышку». А у вас? Своих детей тоже «затачивали» на институт?

– (Улыбается). Наверное, да. Дочка окончила вуз с красным дипломом. У сына тоже «вышка», но заочная – был непонятный период: пойдёт он в хоккей, нет... У нас с ним был серьёзный разговор – не бросать «нормальную» школу. Ну, вот спецклассы: всем понятно, что пацаны постоянно играют и оценки получают просто так. Только в большой хоккей выходят одиночные, а остальные остаются без спорта, и без образования. Это тоже проблема для страны: в Америке, будь ты хоккеист, музыкант – не имеешь права пропускать занятия. Я окончил Уфимский авиационный институт, а, приехав в Москву, поступил в институт физкультуры и спорта, учился с Билялетдиновым, Мальцевым и Васильевым.

– В армии вам повезло тоже играть в хоккей. Правда, месяц до этого отслужили в обычной воинской части, после чего сказали: хоть на луну, лишь бы туда не вернуться...

– Да, это было в Оренбургской области. Пахали с утра до вечера, были голодными – весил на 50 кило меньше, чем сейчас, а я далеко не толстяк. Хотя особо ужасного там ничего не было, просто был отлучён от хоккея. Но вернуться туда действительно бы не хотел.

– Когда говорят, что вас признали лучшим защитником СССР, вы поправляете: входил в число лучших. Как вообще относитесь к себе как к хоккеисту?

– Я многого добился своим трудом. У меня сильная «физика», хороший бросок. Я жёсткий, злой – плюсы есть. Но надо говорить честно: я не был лучше Фетисова или Касатонова.

– После армии вас приглашали к себе семь из десяти клубов. Сейчас за вас этот вопрос решил бы агент. А тогда?

– Сам. На 80 процентов уже был в московском «Динамо» – собирался, но здорово отыграл на первенстве Вооружённых Сил, и великий Анатолий Тарасов прислал в армию телефонограмму, что забирает меня в ЦСКА. Армейцы были для всех нас богами – и я попал в их число. А агенты нужны: даже самому замечательному хоккеисту за себя договариваться сложно.

– Ещё одно серьёзное решение в карьере – отказ играть в США. В одних интервью вы объясняете это тем, что вам, советскому человеку, в голову не приходило остаться на Западе. А в других: «... как предостерег, что будет с родными, если останусь – и отказался». Так что сыграло решающую роль: патриотизм или страх?

– (Смеётся). Патриотизм. Я действительно видел себя только на советском льду. Это потом, уже отказавшись, начал анализировать и ужаснулся, что было бы с моими родными, согласись остаться. Помню, сколько грязи было вылито на Сашу Могильного, который первым сбежал в Штаты. Серёге Фёдорову уже не так досталось после его побега.

– В стране вы один хоккейный эксперт. Что нужно для того, что-

Из архива «ММ», Евгений Рухмалёв

бы стать гуру в анализе, кроме, разумеется, досконального знания хоккея и тренерской способности мыслить стратегически?

– Безусловный авторитет перед хоккеистами, тренерами и руководителями клубов. И уверенность в том, что говоришь по делу, а не несёшь чушь. Не знаю ни одного клуба, который обиделся бы на меня за высказывание в их адрес. Потому что представляю, насколько тяжело содержать команду, ежегодно изыскивая на это огромные деньги. Знаком со всеми главными тренерами, с подавляющим большинством игроков и владельцев клубов.

– Не секрет, что тренеры спорта высших достижений получают в сотни раз больше, нежели обычные детские тренеры. Вы считаете это справедливым?

– Зарплату тренеров КХЛ урезать нельзя, а вот детским тренерам поднять не мешало бы. Тут есть и другая сторона медали: клубы часто меняют главных тренеров, а команд в КХЛ меньше тридцати – можно годами сидеть без работы. А у детского тренера всегда есть пусть не такой жирный, но стабильный кусок хлеба.

– Вы перестали быть игроком в 31 год – вполне нормальный пенсионный возраст хоккеиста высшего звена.

– Да, был капитаном, потом дали майора (смеётся)... Покинув хоккей, не ушёл из армии. Это был СССР, я знал, что будет пенсия, неплохая зарплата, стабильность – так что играть больше не стал. Вячеслав Тихонов предложил тренировать молодёжь в ЦСКА – я согласился. А до этого целый сезон провёл в Ленинграде – без семьи, детей было несладко.

– Я к чему: один злобный критик сказал о Майе Плисецкой:

«Можно танцевать умирающего лебедя в 70, но смотреть на это уже нельзя». Как относитесь вы к тем, кто играет в 40, и за 40?

– Майя Плисецкая – это явление, перед которым меркнет любой критик. Есть мастерство, позволяет форма и здоровье – честь и хвала. В 40 невероятно тяжело сохранить скорость, как это смог сделать Сергей Фёдоров, откатавший у вас сезон лучше любого молодого.

– Последний вопрос: знаю, что вы побывали с экскурсией на ММК...

– И он произвёл колоссальное впечатление! Мы попали на домну – настоящий горячий цех, в котором жарко, как в преисподней, наверное. С обеих домен лился раскаленный чугун, искры – очень красиво. Это тяжёлый труд настоящих мужчин, и он наглядно показывает, что в жизни ничего не даётся просто так. Я горд этими ребятами и могу пожелать им только здоровья, счастья и удачи. А вашим хоккеистам пожелал бы чаще бывать на комбинате и видеть, каким трудом добываются деньги, на которые они существуют. Они должны это знать и ценить.

Рита Давлетшина

P.S. Соболезнования родным, близким и коллегам Сергея Гимаева от имени руководства хоккейного клуба «Металлург», тренерского штаба, команды и магнитогорских болельщиков и лично от себя выразил президент хоккейного клуба «Металлург», председатель совета директоров ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» Виктор Рашников: «С большим прискорбием узнали о скоропостижной смерти Сергея Гимаева. Искренне соболезнуем и разделяем боль утраты с родными и близкими Сергея Наильевича».